

с. 2
мифан

МОСКВА.

Типы и картины.

СХVI.

А. П. Чехов, описывая Сахалин, между прочим приводит слова каторжника, разговаривавшего с своими товарищами:

— А вот посмотреть бы теперь, в праздник. Тверскую, как народ валит на скачки... Увидеть бы глазком взглянуть...

Несколько лет тому назад это можно было сказать о скачках, а теперь, последние три года и о беге. И на беге публики бывает не меньше, чем на скачках. Как то, так и другое выросло и развилось на наших глазах. Благополучие того и другого построено на страсти к азартной игре. До введения тотализатора скачки и бег пустовали, были забавой нескольких богатей, страстных охотников в душу, не знавших куда деть свои деньги. Тогда это была истинная охота. Теперь это громадное коммерческое предприятие, подобное Монпо и его рулетке. Как здесь, так и там остается в выигрыш машина, которая всегда сильнее страстей. Страсти порывисты, машина—постоянна... Тотализатор—машина, берущая свои десять процентов с каждого оборотного рубля... Игроки рулетку случайно куш, и постепенно, по десять процентов отдають их тотализатору, прибавляя свои деньги. Успех тотализатора отчасти обязан гимназисту.

Это было двенадцать лет назад, когда играющей публики было слишком мало, когда о скачках почти не говорили в Москве. Как сейчас помню, в это время и был в театр. Это было осенью. Для открытия сезона шла какая-то классическая вещь. Во время второго акта в литературную ложу вошел невзрачный гимназист, окруженный толпой «прожигателей жизни». В атракт этот гимназист и его компания или дорога вина в буфет и исчезли из театра. Только в разговор затмил во время спектакля был, что о гимназисте. Оказалось, что он играл на скачках, поставил десять рублей на какую-то лошадь, и за десять рублей получил тысячу сто

двадцать! На другой день об этом выигрыше писали газеты. Публика, в надежде выиграть на рубль состояние, ринулась на скачки, и теперь вместо плохенькой деревянной беседки красуется полуцирковая желтая трибуна, вмещающая десятки тысяч желающих выиграть богатство и проигрывающих последний рубль...

Гимназист же, выстроивший эту беседку, не ковал курс и много лет в последний рубль, занятый у какого-нибудь игрока, старается еще выиграть куш, но тщетно!

А за то расцвело рядом со скачками и беговое общество. Тому и другому Москва платит ежегодно гораздо больше подумало. Погибавшее лет семь тому назад, беговое общество, по последнему отчету, имеет более трехсот тысяч капитала в Государственном банке. Капитал этот приобретен за последние четыре года благодаря широкой рекламе, интересной программе бегов и азарту москвичей... Им же бы играть, только играть! С одинаковой охотой они несут свои красненькие и в роскошные трибуны скакового общества и под дождем на беговом кругу, где постройка новых трибун, о которых так много писали и говорили, не состоялась. В обществе произошли перемены и новое правление, повидимому, не думает строить трибун, а пока поместил публику в старух, перенес их на другое место и значительно испортил их по сравнению с прежними. Публика этих очень недовольна. Она, плата громадные деньги, имеет право быть недовольна: ее мочит дождь, есть не хватает места, по временам от пыли дышать нельзя... А в прошлом году бег был чуть было не начался из-за скачки, любимой москвичами. Они уже составили им заманчивую конкуренцию, благодаря широко пущенному дню. В настоящем году скачки опыты восторжествовали над бегом, и скачки будут насчитывать в своей трибуне лишние тысячи посетителей.

Вообще нет такого страшного движения публики из Москвы никуда, как за Тверскую заставу, на Ходынку. Это голое несколько лет тому назад Ходынское поле превратилось в оживленное место гуляний. Здесь приток всех родов спорта: скачки, бег, круг велосипедистов и только что выстроенная трибуна Императорского общества правительской охоты. С 12-го мая, в продолжение трех дней здесь происхо-

ности владения спорной землей истек.

дела трагедии уничтожены сотни зайцев и много полков. Публика оказалась надкой на кровавом зрелище. В новенькой, щегольской трибуне, перед которой открывается широкий, бесконечный бездонный забором круг, присутствовали дамы, англодворянки разным половецким и чуждым борзым, в то время, когда он, догнав злополучного зайца, рвали его на куски... Картина для неохотника тяжелая: прекрасный весенний день, масса публики, посредственный огороженный круг на рыжей лошади, в красном фраке, тяжело хлюпая в седле, скачет рыжий англичанин, мистер Брик, выисанный обществом охоты из Англии в качестве распорядителя... На своем дозвонке держит двух здоровых псов... Открывается ящик. Из него выскакивает заяц. Выскакивает и, очарованный чистым воздухом, родной зеленью луга, мчится вперед, не боясь себя от радости... Ему дают отойти свободному шагов двести, затем пускают собаку. Псы мчатся и «догоняют» его. Он слышит погоню, он чувствует горячее дыхание, он видит наконец издающее глаза, раскрытые зубастые пасти... Несчастный забывает и весенний воздух, и зеленую лужайку... он видит несколько удививших на кругу кустиков и мчится к ним, но собаки перерезают дорогу... Он повернуть направо, бежит на трибуны, тычется головой в забор у ног публики, мчится вдоль забора под свистки и крики зрителей, желающих отогнать его на середину, чтобы не лишился интересного зрелища, и наконец тут же у забора, обезсиленный гибнет под зубами собак... Окровавленной собачьей мордой аплодируют, а изуродованного зайца валят в кучу тапых же.

На другой день в меню клубов и гостиных появляется в незаконное время заяц под разными соусами...

Объедин собак докучают гурманы. Оставшихся в лесу без матери забачка слоняют совы.

Уничтожив неповинных зайцев, привалили за зловерных волков.

На кругу показались белая лошадь, запряженная в телугу, а на телуге стояли два громадных ящика. Точь в точь подлинной эшафот.

Англичанин в красном фраке несл. На его лошади понылся красавец-охотник, лихо гардовавший перед публикой.

же признается законным? Сомниваемся.

Один ящик снял. Приготовили собаку... Ящик раскрылся, из него рванулся волк и заиргал перед публикой. Собака вскорь нагнала его и довольно мирно сказала с ним ридом до тех пор, пока волк не задумал направиться к публике. Тогда по знаку судьи сущена была записная стая громадных псов, которая и начала рвать со всех сторон змеюлучного сраго. Подбьжали охотники, навалились на него, связали и снова понесли в ящик. Велд за ними погасили ведро воды отпавать волка, так как через несколько минут предстояла еще такая же клячка. С другими волком повторилась та же история, кончившаяся отпаваньем его водою.

Потом снова пускали первого волка и снова ловили цылой стай...

Вообще записка не совсем приятная для свжаго человека. Мнть вот на каждой такой забавь вспоминается строфа из стихотворения Альфреда Вина:

Спокойно волея столя. Вируть, с молнией во взгляде, Взглянув вокруг себя, понять, что он в засаде, Что некуда бежать, что он со всьх сторон Людям, с рабами их борзими, окружен. Он к свой бросился и землю взрыл когтями С минуту поискал, кто где между нами.

Дальше Вина говорит:

Он на кровавый луг Лег сам, перед людьми и перед смертью горды, Облизывая кровь, струнящую с моры. Потом закрыл глаза. И не единый звук Не выдаст прель людям его предсмертных мук.

Мнть всегда вспоминаются эти строки и всегда мнть жаль волка! Жаль только за то, что он слишком беззащитен один против стай псов и вожа добьжающих... Жаль всякого, кого травят!

Вот далье история одного из тысяч людей, которого с малых лет начали травить обстоятельства, и сдзали тапых гадким, что всю оставшую жизнь его будут травить люди.

На этих днях разбрасалось в московском окружном суде дело о разбой. Действующи лица—дв пары: Новомарев и Полякова, Лаврентьев и Синухина. Это очень обыкновенная драма больших городов. Вет четверо—дети улицы, выросшие и развратившиеся в столичных трущобах с малых лет и закончившие свое

Работы в часовой произведены подрядчи-

ками, работа руководил: произво-

нась просить обратить внимание

верть ведра воды. Тимофеев был залер-

разращение в предварительных и пост-

На судъ явились люди, отъ которых

Маденьки дѣвочки — дочери мпших.

Когда онъ попросил, родители стали

На Диковъ, уличъ, лежащей хотя близъ

Вскоръ Волковъ, арестованный полицей

Вскоръ Волковъ, арестованный полицей

было участие въ преступлении. Лаврентьевъ

отъ этого письма.

Его обвинили въ разбой. Рана, нанесенная

Пеномаревъ — рецидивистъ крайней степе-

Пеномаревъ — сытъ отставного штабс-

Вскоръ онъ главенствовать надъ товари-

Вскоръ онъ главенствовать надъ товари-

вернулся на площадь, близъ Николаевска-

Пеномаревъ похитилъ провалъ по тюрь-

Чаще имели Пеномарева за тотъ же са-

Этого что называется можетъ дать сорокъ

Въ всякомъ акробату онъ тоже можетъ

Его специальность — кражи черезъ фор-

Лѣтомъ 1888 года съ десяткомъ богатыхъ

Полиция пришла въ изумленіе, видя сдѣ-

Вскоръ Волковъ, арестованный полицей

Онъ совершилъ десятки такихъ кражъ

Въ тѣ времена судимы классы были въ

Послѣ удавленія еврея въ Москвѣ, во

На старикъ пенелитатъ, гдѣ красова-

Но обидраве бѣдлаго столѣтняго де-

Сѣбъ онъ уже не говорилъ, возр-

(В.А. Гиларовский)